

Владимир Псарев

Я - боль,
или Посвящение
тем, кем жив

12+

Владимир Евгеньевич Псарев
Я – боль, или
Посвящение тем, кем жив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63345113

SelfPub; 2020

Аннотация

Я долго думал, что здесь написать. Что-то нужно, да? Иначе не опубликуют. Хотя вроде всё сказал внутри. Скажу, что жизнь слишком сложна, чтобы мерить ее простыми категориями, и слишком проста, чтобы не мерить ее совсем. Меня много в чем обвиняли, но я всегда говорил, что чувствовал в данный момент. Кто вам гарантировал, что ваши многолетние отношения закончатся детьми и счастливой старостью? Кто сказал, что ваша работа обеспечит вам пенсию? Или, может, вы уверены, что у вас есть друзья, а ваши дети непременно будут здоровы? Задайте любой философский вопрос и ответьте на него "нет". Вы всегда окажетесь правы. И всегда окажетесь готовы. Я не знаю, куда я приду, но я знаю, что сейчас мне нравится вид впереди.

Владимир Псарев

Я – боль, или

Посвящение тем, кем жив

Спрячь сына моего, любимая женщина. Закрой меня, мой друг. В этом рассказе только правда. Можете считать это моей исповедью. Моими "Историями из легкой и мгновенной жизни", только в десять раз короче. Совсем скоро – через какие-то пару десятков лет – описанные здесь девушки станут серьезными любящими матерями, парни – отцами и главами семейств, выпивающими по пятницам, и воскрешающими по воскресеньям. Дай Бог никому не истлеть на кухне, не рассыпаться именами и пронести через эпоху то, что им дали родители и, быть может, такие, как я, годы тому назад. На этих страницах я не прошу спасти меня от самого себя. Я просто рассказываю о том, что для меня важно, и о том, о чем вслух страшно признаться многим. Прошу прощения у тех, о ком рассказал здесь, и, по совместительству, тех, кому это посвящаю. У всех. И говорю им спасибо.

"Не проснусь"

Маленький провинциальный город. Здесь, так кажется, все друг друга прекрасно знают. Может быть, так и есть. Я

думаю, что человеческая память способна вместить десяток тысяч имен. Моя, в любом случае, уже хранит.

Лето здесь – воистину самое прекрасное время, если отбросить то, что во время дождя от грязи невозможно отмыть никакие кроссовки. Спасают автомобили. Хотя, признаться, их тоже нужно иногда мыть. И здесь – лучше всего самому.

Мое детство было счастливым. Мне нет никакого смысла лукавить о том, что я где-то страдал и пробивался. Да, местами, если анализировать сейчас, такие моменты были, но в те года абсолютно так не воспринимались. С ранних лет я имел какую-то неистовую тягу к обучению. Не знаю, с чем это связано. Быть может, бабушка, ныне покойная, слишком много внимания уделяла моему домашнему образованию. Свою дочь – мою мать – она родила в тридцать семь лет. Строила карьеру. Построила. Но материнства в полной мере не вкусила, пока не вышла на пенсию и не занялась моим воспитанием. Валентина Даниловна Шашкова. Мне запомнилось все. Наши детские (для меня) игры, чтение книг вслух, рассказы о Ленинграде, в котором она когда-то жила и работала. Вкус к знаниям дала мне именно она. Мама, сама не отрицая этого, не могла мне внушить никаких наук, кроме науки любви. Любви чистой и беззаветной. Любви к своему ребенку в той степени, которая разрушает, разрывая данное малышу чистое полотно мироздания. На разорванном невозможно рисовать свое. Но моя бабушка, пока могла, эту белую скатерть подшивала. Подшивала старательно, и именно в тех местах,

где хотела каснуться моя кисть. Нет, это не значит, что я не люблю и не уважаю свою мать. Это лишь заметка о том, к чему я пришел к двадцати двум годам, а она к сорока пяти.

Бабушка умерла, когда мне было семнадцать. Я вернулся из Екатеринбурга со сборов и увидел в подъезде деревянный крест с ее инициалами. Мне ничего не сказали. Совершенно. Не хотели беспокоить. Еще один пример трогательной, но разрушающей заботы. Помню, как я, почти невыездной, восхищался красотами города-миллионника, фотографировал еще не снесенную телевышку, уродовавшую, по мнению местных, весь облик Екатеринбурга, а тут раз – и пожалуйста. Плакал, но скромно. Не так, как плакал на похоронах дедушки десятком годов раньше. Теперь я понимал всю необратимость времени, и это меня сдерживало.

Мама родила меня в двадцать четыре года. Родила от женатого мужчины, которому верила. У меня есть сводный старший брат – Эдуард, и сводная сестра – Валерия (младшая). От этой же женщины. Моя мама верила, и осталась со мной на руках. Их не опустила только благодаря бабушке, видевшей войну, оттепель, застой, перестройку. Рушились судьбы, сменялись генсеки, а она стояла – как соборы любимого ей Петербурга, в пору ее становления – Ленинграда. Запомнились ее истории о том, как она гуляла по колоннадам Казанского собора, в те годы – музея атеизма. Или загорала на пляже перед Петропавловской крепостью. Золотые шестидесятые. Все когда-то бывают молоды. А потом уми-

рают. Внезапно. Через пятьдесят лет.

Когда я родился, было страшное безденежье. Умопомрачительное по своим масштабам. Мама радовалась даже купленным карамелькам и селедке на развес. Когда случился дефолт, моей маме исполнилось двадцать четыре. В этот же день. Она была на восьмом месяце беременности. Бабушке и маме хотелось меня запечатлеть, и на фотоаппарат пришлось копить.

Я не помню первых лет своей жизни, как и почти все люди на этой планете. Что-то лишь по рассказам. Например то, что я выпил бокал шампанского на Новый, две тысячи первый год, и не мог перешагнуть через низкий порожек, отделявший гостиную от коридора. Мама в тот год вышла замуж за мужчину, который стал мне отцом. Как писал Карамзин, "не трудно стать отцом, трудно им остаться". До школы я называл его просто дядя Сережа, а потом вдруг – папой. Что-то подтолкнуло.

Родного отца я видел пять раз в жизни, и первые разы почти не помню. А дядя Сережа, как я понимаю теперь, имея жизненный опыт, действительно любил мою маму. И принял ее со мной на руках. Любил так, как буду любить потом я других, но об этом – чуть позже. Он рассказывал мне разные истории, а мама читала сказки перед сном, когда он уходил в ночную смену на завод. Его фамилию я так и не получил. Остался при своей – кровной. Сейчас я об этом не жалею, но были моменты, когда меня это по-детски обижало. Разум

растет, ширя скорбь, но и объясняет поступки других людей. В том числе и родных. Этот момент я объяснять не буду, но, быть может, о чем-то задумаетесь вы.

В школе мне исправно ставили хорошие оценки и убеждали, что я – особенный. Потом я вырос и понял – лукавят. Во-первых, оценки ничего не значат. Критика не рубит топором. Похвала не подает билет в рай. Все в нашей голове. Во-вторых, это не сыграло никакой материальной роли. Меня размотало так, что даже не помню, где лежит золотая медаль. Анодированная железка, за которую я отдал огромный пласт жизни, а мог любить и образовываться в тех направлениях, в которых действительно хотел. Но кое-что я все-таки успел.

Был у меня в детстве, да и сейчас есть, хоть нас жизнь и развела по сторонам, друг. Я четыре года жил, учился и работал в Новосибирске (город моего рождения по паспорту – Курган), а теперь там учится он – в ординатуре. Теперь совсем серьезный. Вячеслав, Слава, Геннадьич. Мы вместе играли в одном дворе, пропадали допоздна, пока нас искали родители, в гараже его отца, слушая записи Цоя. "Кончится лето", "Пачка сигарет". Все наши общие летá давно кончились, зато пачки сигарет – начались. Молодость. Теперь он врач, а я пока – маргинал, в самом институционализированном смысле этого слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.